

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 40

15 декабря 1944 года

№ 40

СОДЕРЖАНИЕ:

Где Россия? — П. Н. Краснов

*

Исторические очерки Дона
(продолжение) — П. Н. Краснов

*

Ермак завоевывает Империю
— д-р Семенов

*

В первой казацкой (продолжение)
— А. Яганов

*

Два стихотворения Андрея Ф.

*

Мы куем кадры (продолжение)
— В. Никонов

*

Оля (окончание) — повесть
Ф. Печорина

*

Письмо кубанского немца

*

Поминки по Остапе — из по-
вести «Тарас Бульба» И. В.
Гоголя

*

Сечь — стихотворение Н. Ту-
роверова

*

Розыски

Казаки разных Войск составляют крупную и грозную боевую силу в Северной Италии. На снимке — Донец, Кубанец и Терек

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F. P. Nr. 02306

Где Россия?

Часто и много теперь говорят о России и русских. В разбуженной, чувствительно затронутой в самом больном месте народного самолюбия — любви к отечеству и народной гордости — молодежь, родившаяся или воспитавшаяся за границей, в чужих краях, проглядевшая большевизм и жуткое кровавое рабство, в какое попал русский народ, оскорбляет Россию и русских, смешивая Россию с союзом советских социалистических республик и русских с «советскими».

Слышны голоса лютой кровной обиды:

Россию хотят завоевывать!...

Россию хотят делить на части!...

Русский народ хотят обратить в рабов! В навоз для германской расы!...

Те, кто так говорит, не знает, где Россия? Говорит с чужих, — советских подсказок... Жидовских наущений...

Прекрасные, полные искренней, горячей любви к родине, тяжкой боли за нее, свои «Записки» генерал П. Н. Врангель заканчивает следующими словами:

«Спустилась ночь. В темном небе ярко блистали звезды, искрилось небо. Тускнели и умирали одиночные огни родного берега. Вот потух последний...
Прощай, родина...»

Генерал Врангель не обмолвился, когда сказал «прощай, Родина», а не «прощай, Россия»...

Россия и русские уплывали с ним на кораблях.

Вот тогда-то Россия была побеждена и завоевана и обращалась в самое жуткое рабство. Она становилась рабом третьего интернационала и его руководителей — жидов...

Те, кто с диким улюлюканьем носился в эти жуткие дни по Севастополю и по приказу жидов Бронштейна и Бела Куна вешал на фонарях оставшихся в Севастополе русских офицеров, кто насиловал русских девушек и женщин — не были русскими...

С появлением 25 октября (7 ноября) 1917 года у власти большевиков и с ними жестокой своры жидов — началось покорение жидами России.

Оно продолжалось долго. Упорна была оборона русского народа от поработителей евреев.

В ноябре 1920 года завоеван был последний кусок юга России. В январе того же года отошла в Эстонию и была ликвидирована северо-западная армия генерала Юденича. Почти одновременно погасло сопротивление на севере у генерала Миллера. Дольше сопротивлялась Сибирь. Сибиряки через сопки Манчжурии перенесли огонь белой борьбы в Приморье и к берегам Тихого океана. Последний их бой был 1 октября 1922 года у ст. Монастырище. Остатки сибирской армии, под командой генерала Пепеляева, подошли к берегам Охотского моря. Здесь, у бухты Аян, отряд был окружен и сдался 18 ноября 1923 года.

21 год тому назад погас последний огонь борьбы русских за Россию. Россия была разделена на

отдельные республики, во главе которых поставлены ничтожные личности, подчиненные жидам. Темная ночь спустилась над русской землей и покрыла ее.

Вот как описывает это время один из русских патриотов:

...«И вот сейчас Россия «в плену»... Она «покорена»... Что то такое несуразное, глупое творится в ней, вопреки всякой логике, и, главное, вопреки всей русской исторической идее.

Неужели это тот самый народ, который стал во весь свой духовный рост в 1812-м году? Как понятен, например, В. Розанов, который бегал в конце 17-го года в исполком Троицко-Сергиевского посада, где жил, бегал специально для того, чтобы посмотреть русского коммуниста и допрашивал, допрашивал его всей душой своей:

— Как же это так?! Ты, Иван Петров, теперь коммунист?! И Бога нет?! И, значит, интернационал?! Что-же произошло?! Как-же это случилось?! Неужели так вот и веришь, что Господа Бога нет?!

— Верю, — отвечал Иван Петров. — Как раньше верил, что Бог есть, так теперь верю, Василий Васильевич, что Его нет. Вот уже четвертый месяц, как уверовал, что Бога нет.

— Ишь ты!... Ишь ты!..., — шептал Василий Васильевич.

— Покурить мне, Иван Петров... До смерти хочется.

— Курите Василий Васильевич. Без Бога обходительнее и по времени. Время такое пришло, что Бог не у места, ни к чему...»

Что-же это Россия?... Иван Петров — русский народ?... И та война, которую теперь ведет советский союз вторая Отечественная война?...

Не будем святотатствовать и лицемерить.

Когда пришло на Россию такое время, что «Бог не у места» не стало и России.

Там, где была она — там уничтожение всего русского, истребление интеллигенции, духовенства, учителей, уничтожение сильных и крепких людей, уничтожение казаков, домовитых и трудолюбивых крестьян и создание серенького, безличного, затравленного стада натасканного «на технику», «орабоченных» людей, штукарей стахановцев... И под ними чуть теплится, ожидая избавления, несчастный русский народ, не смеющий и слова сказать...

Можем мы без немцев — принести это избавление, спасти Россию?

Можем мы, сами, живя по чужим государствам, создать миллионные армии, тысячи самолетов, танков, орудий, миллиарды снарядов, чтобы победить большевизм?

Ответьте честно...

И, если «нет» — не будем говорить напыщенных слов о разделе давно поделенной России, о рабстве давно обращенных в жидовских рабов, о жестокостях войны, но честно и мужественно впряжемся в общую работу уничтожения большевиков.

Россия возродится... Не та, которую легкомысленно видят не знающие России, не с «батюшкой» Сталиным, вдруг прославленным русским патриотом, не со льстецами продажными писателями и поэтами, не с жидовской несветимой ложью и пропагандой, но со свободным русским народом, работающим рука об руку с немцами над созданием новой Европы, — Европы без жидов...

Петр Краснов

Исторические очерки Дона

Часть вторая

Продолжение *)

LIX.

На Дону при Александре III. «Новое положение об управлении станиц». Еврейский вопрос. Количество населения на Дону. Газеты и повременные издания.

Так же мирно и тихо в самосовершенствовании и труде, как протекали эти годы в России, протекали они и на Дону. Правил Доном войсковой наказный атаман, генерал-адъютант, генерал-от-кавалерии князь Николай Иванович Святополк-Мирский (1881—1898).

Новочеркасск украсился тенистыми тополевыми бульварами. У донских казаков тополь считался деревом, приносящим неудачи. Жители Новочеркасска противились насаждению раин вдоль улиц. Они по ночам ломали и выкапывали посаженные деревья. Атаман настойчиво насаждал их снова. Постепенно жители смирились, а когда Московская улица, Ермаковский и Баклановский проспекты обросли большими красивыми пирамидальными тополями, жители по достоинству их оценили. Новочеркасск становился одним из самых красивых городов юга России.

Необходимость обуздать вдруг появившуюся в станицах приткую, никого не желавшую слушать молодежь, срывающую станичные сходы, разрастание станичного населения, когда появились станицы с населением в несколько тысяч дворов вызвало введение «нового положений об управлении станиц».

По этому «положению» на станичных сборах принимала участие не вся станица, в полном составе, но только выборные по одному от десяти дворов. Казаки, не достигшие 26-летнего возраста на сборы не допускались. Станичный суд получил право налагать дисциплинарные взыскания за маловажные проступки на казаков до восьми дней ареста («тигудёвка»); налагать денежную пеню не свыше 6 рублей или посылать на общественные работы до 10-ти дней. На казаков штрафованных — арест или общественные работы увеличивались до 12-ти дней, пеня до 10 рублей.

В 1884-ом году к уже бывшим в Войске семи округам — Черкасскому, 1-му Донскому, 2-му Донскому, Донецкому, Усть-Медведицкому, Хоперскому и Миусскому — прибавили Сальский округ (станция Великокняжеская), а в 1887-ом году — Таганрогский, образованный из Миусского и некоторых станиц Черкасского округа, и Ростовский округ.

Города Таганрог, Ростов и Нахичевань, бывшие до этого времени вне войска, вошли в него. Войско Донское получило новое население, совсем по роду своих занятий и по своим понятиям непохожее на казаков.

В Донском войске к этому времени числилось 1.600.000 душ населения. Казаков было 700.000. Теперь число инородных в войске возрастало еще больше и притом людьми враждебными казакам. До этого времени жидам было запрещено проживание на земле Войска Донского. В царствование Императора Александра II в связи с свободными преобразованиями, 22-го мая 1880 года, воспрещение это было подтверждено, но с некоторыми ограничениями. Так жидам с высшим образованием было разрешено жить на Дону, но не разрешалось иметь недвижимость (земли, дома, фабрики и пр.).

С присоединением городов Ростова и Нахичевани жида и армяне, населявшие эти города, вклинились в Войско.

10-го мая 1883-го года в Ростове, в кабаке, жида убили русского. Ростовское население ответило на это убийство погромом еврейских лавок и домов. Шесть рот пехоты, бывшие в Ростове, не могли справиться с беспорядками. Из Новочеркасска затребовали три сотни казаков. Беспорядки сейчас же прекратились.

Император Александр III на донесении об этом министра Внутренних дел Д. А. Толстого пометил: «весьма печально, но этому конца я не предвижу, слишком эти жида опротивели Русским и пока они будут эксплуатировать христиан, эта ненависть не уменьшится. Печально, что толпа бросалась на войска»...

В 1887-ом году в присутствии Императора Александра III, приехавшего с Императрицей в Новочеркасск, 5-го мая состоялась закладка большого отличного здания Марининского Донского института.

К этому времени в Новочеркасске были кроме военноучеб-

ных следующие учебные заведения: Платовская классическая гимназия, Реальное училище, Новочеркасская учительская семинария, Донская духовная семинария, Высшее Техническое училище и Военно-ремесленная школа.

На Дону выходили следующие повременные издания: в Новочеркасске — правительственная газета «Донские Областные ведомости» и частная «Донская речь»; в Ростове — большая частная газета «Приазовский край»; в Таганроге — большая частная газета «Таганрогские ведомости». В Новочеркасске Ф. К. Трапезин издавал большие сборники: «Часовой».

В Новочеркасске работал «Статистический Комитет Войска Донского», выпускавший свои труды отдельными книгами. В Новочеркасске же был основан прекрасный «Донской музей» — хранилище старой славы казачьей.

Так постепенно донцы с поприща исключительно военного, кавалерийского служения России выходили на широкий путь служения Дону и России на всех отраслях науки и искусства.

LX

Донцы — военные. Донцы — ученые. Донцы — писатели. Донские историки. Донцы — стихотворцы. Донцы — художники и музыканты.

За почти полтора столетия с 1775-го года по 1914-й год, со времени, когда из-за Пугачевского бунта, усилиями Императрицы Екатерины I и Потемкина сломлена была окончательно самостоятельность Донского войска многое изменилось в жизни донских казаков.

Первые семьдесят пять лет овеяны военной славой донских воевод. Донские казаки признаны лучшей конницей в мире, сломившей и победившей конницу Наполеона. Имена Василия Петровича Орлова, Адриана Карповича Денисова, Графа Матвея Ивановича Платова, Максима Григорьевича Власова, блестящая череда двенадцати доблестных генералов Иловайских, про последнего из которых Александр I, когда тот представлялся государю в Париже назвался:

— Генерал-лейтенант Иловайский двенадцатый!

Сказал:

— Двенадцатый, но не дюжинный!

Это блестящая военная слава Донская. Она замыкается былинно-красивой богатырской личностью Якова Петровича Бакланова, героя Кавказских войн.

Польша, Пруссия, Саксония, Прирейнские земли, Франция, ее столица Париж, Турция, Персия, Кавказ и Закавказье — свидетели подвигов донских казаков.

Вторые — 64 года этого отрезка времени, в силу разных обстоятельств, свернули Донских казаков с их извечной дороги военной конной службы. Русская жизнь ломала, душила и смывала военную славу казаков. Сами казаки ей этому помогали. Обедневшие казаки... на мелких, плохих лошадях... четвертые полки дивизий... на задворках Русской конницы... полицейская и охранная служба... усмирение бунтов и волнений... «казачий»... «нагаечники»... «опричники»... «душители свободы»... В самые щелы подполья, в низы русского общества — правительство и общественность старались загнать казаков. Слова поднялось и стало повторяться пять веков тому назад народившееся слово — «воры — казаки»; русская и иностранная литература, все более и более поглощаемая жидами, стала лгать, унижать и порочить казаков, представляя их полудикими людьми, вырожденками Русского народа, слепым орудием Императорской власти и самодержавия.

Что-же?... Смог на это Тихий Дон?... Так и ушел в щель, куда гнала его общественность? Призвал свою дикость и серость?... Сжался под наглым окриком жида революционера?...

Дон ответил... И как ответил!...

Не было таких войн, где во всю мощь могли бы развернуться исторические казачьи лавы. Не были собраны казаки в корпуса со своими походными атаманами. Негде было показать, что не угасла доблесть воинская казачья...

И вот казаки показали, что и вне военной кавалерийской

*) см. № 39 «На Каа. Посту»

службы они могут занять и займут первые места в любых поприщах науки и искусства.

В кратком историческом очерке невозможно помянуть всех донцов этого яркого периода времени XIX века, когда появились донцы ученые, профессора, художники, писатели, артисты, светочи человеческой мысли.

Не имея своего университета и высших учебных заведений Донское войско учреждает 102 стипендии для обучения казачьей молодежи на войсковой счет в университетах и в высших учебных заведениях обеих столиц и городов Киева, Харькова и Казани.

В. Г. Алексеев, профессор чистой математики и ректор Юрьевского (Дерптского) университета.

С. М. Васильев — декан медицинского факультета того же университета и соиздатель многих медицинских книг.

И. И. Карташов — директор Томского технологического института.

Д. П. Косоротов — профессор медицины, написавший 50 научных трудов по вопросам судебной медицины.

И. И. Косоногов — профессор физики Киевского университета. Труды его известны за границей.

И. Д. Сарычев — профессор медицины.

Г. К. Ульянов — ученый языковед, ректор Варшавского университета. Впоследствии товарищ министра народного просвещения.

Л. П. Попов — профессор Военно-Медицинской Академии, ученый патолог и терапевт.

А. Н. Краснов — путешественник, исследователь степи Америки, Европы и Азии; исследователь природы Тянь-Шаня; профессор географии и ботаники в Харьковском университете; создатель лучшего и наибольшего в мире Ботанического сада подле Батума. Создатель культуры чая, апельсинов, лимонов и мандаринов, сахарного тростника, бамбука и каучука в России. Сотрудник профессора Клингера в создании Чаквинских плантаций в Закавказье. Певец и проповедник развития субтропической флоры в Закавказье.

Генерал **А. С. Платонов** — ученый артиллерист, начальник Михайловской Артиллерийской Академии.

В. В. Пашутин — начальник Военно-Медицинской Академии.

Сенатор **А. М. Золотарев**; заслуженный профессор статистики, основатель и первый начальник Интендантской Академии.

С. И. Иловайский — профессор Русского языка и словесности.

И. И. Асеев — профессор горного дела.

П. С. Флоров — профессор чистой математики.

С. Н. Номикосов и **Н. И. Краснов** — профессора статистики.

Я. И. Хованков — товарищ министра земледелия.

А. В. Миненков — горный инженер, основатель ртутного дела в России.

И. В. Мушкетов — знаменитый геолог, ученый исследователь, путешественник. Тянь-Шань, Памир и Алтай были исследованы и описаны им. Как сказал о нем его жизнеописатель, эти горы стали как бы основанием памятника донскому казаку Мушкетову. Его сын, профессор **Д. И. Мушкетов** был ректором Петербургского Горного Института.

Кто знал, кто думал, что все эти ученые, профессора с общерусскою, а иные и с мировой известностью были донские казаки? Их породил и вырастил в своих степных просторах Тихий Дон. Они воспитались в заветах Ермаковых, Платовских и Баклановских. Донской алыг лампас был им сродни. Иные, как старые казаки землепроходцы углублялись в дебри среднеазиатских горных хребтов, изездили все страны, ища нужные растения и раздвигая просторы знания, понимания России и ее богатств природных.

Какая другая губерния или область Российской Империи дала столько крупных имен в ученом мире? Их создал в бурях военных закаленный, пять веков создававшийся, свободный Донской народ!

Донские казаки появились на страницах изящной прозы и стихов.

Ф. Д. Крюков в ряде очерков и повестей ярко изобразил жизнь и быт донских казаков в конце XIX и начале XX века. В годину жестоких, кровавых испытаний, выпавших на долю Дона в 1918 году голос Федора Дмитриевича разбудил казаков. Бесподобное его стихотворение в прозе «Родимый

Край» стало тогда для донцов побудителем к восстанию против насильников большевиков.

И. А. Родионов — писатель пророк. Его роман «Наше преступление» и поэма «Москва Матушка» были грозным предупреждением о грядущем кровавом развале. Писатель-провидец, подобный Ф. М. Достоевскому, Родионов увидел язвы Русского народа и имел смелость на них указать. В «Воспоминаниях» С. Е. Крыжановского есть любопытное описание о том, какое впечатление роман донского казака Родионова произвел на Государя Николая II... «Государь показал книгу и спросил, читали-ли вы?» Это был нашумевший в свое время рассказ полковника Родионова «Наше преступление». Я ответил, что не только читал, но и знал местность, к которой относится действие рассказа. Родионов описывал в своей книге быт южной части Боровичского уезда, прилегающей к уезду Валдайскому, где я начал в 1889 году службу в должности судебного следователя. — «Неужели правда то, что здесь написано? Мне не хотелось бы верить». На мой ответ, что в книге, как ведется, сгущены краски, но описанные в ней проявления деревенского хулиганства представлялись для данной местности явлением обыденным уже и в мое время, а за последующее, с общим ростом распущенности, случаи вероятно участились, Государь выразил недоверие: — «нет, я все таки этому не поверю. Человек, который написал это просто не любит народ». Зорким оком казака-разведчика Иван Александрович подметил растущее зло и, именно горячо любя Россию и Русский народ, указал на это зло, чтобы пресечь его, пока не поздно. Те, кто мог и должен был пресечь зло не поверили честному Донцу. Россия увлеклась в распутство, безудержное пьянство и дичала. Она катилась в пропасть и Донцы видели это и боролись с этим.

Писали прекрасные рассказы и повести **Р. Н. Кумов** и **Л. С. Попов**, писавший под именем Серафимовича. Прекрасные пьесы для театра оставил Донец **Косоротов**.

Историю Дона писали: — **А. Г. Попов** — «История войска Донского», 2 тома, изданы в 1814-м году; **В. Д. Сухоруков** — «Статистическое описание войска Донского» издано в 1825-м году; **А. М. Савельев** — «300 летне Войска Донского», **Пудавов** — «История Войска Донского и старобытность начала казачества». **Н. И. Краснов** — «Статистическое описание Войска Донского». **Пивоваров** — «Донские казаки» и «Сборник казачьих песен». **И. Ф. Быкадоров** — «История казачества». **И. Х. Попов** — «Очерки истории Донского казачества»; богато иллюстрированная, написанная для школ и изданная при атамане **А. В. Самсонове** (1907—1909 гг.) историческая хрестоматия — «Картины былого Тихого Дона».

Появились и казаки стихотворцы, прокладывавшие казакам путь в таинственный, мало кому доступный мир размера и склада. В пятидесятых годах XIX века поэт **А. Леонов** выпустил три сборника стихов: — «Стихотворения», «Современные песни» и «Стихотворения». Тогда же печатал свои стихи донец **А. Туроверов**.

В конце XIX века **А. С. Серебрякова** выпустила большой сборник: «Стихотворения». **Платон Краснов** небольшую книгу «Из западных лириков» и **Сулин**: «Стихи».

На художественных выставках картин в Петербурге, Риме и Париже выставляли свои полотна донцы живописцы: — **В. В. Поляков**, **Н. П. Карпов**, **И. И. Крылов**, **И. В. Болдырев**, **Соловьев**, **А. З. Краснушкина**, **В. И. Суриков**, написавший ряд исторических картин: — «Покорение Ермаком Сибири», «Боярыня Морозова», «Стрелецкий бунт», «Переход Суворова через Альпы», «Меньшиков в ссылке». Пейзажист **И. И. Дубовской**, чьи изображения неба, донской степи, ее просторов обращали внимание на академических выставках в Петербурге. Его картины «Зима», «Парит», «Притихло», «Ранняя весна» принадлежат к лучшим, что создали пейзажисты. Бывало стоит какой нибудь случайно пошвырнувший казак на выставке перед картиною «Парит» стоит, стоит и вдруг станет вытирать платком лоб и скажет со вздохом: — и точно парит! Экая силаща дапа человеку!.. Совсем, как у нас — дома...»

Донец **С. А. Трайлин** написал оперы: — «Тарас Бульба», «Стенька Разин», «Хаджи Абрек», «Богатый гость Терентьице», «Рыцарь и фея», «Гашиш», много симфоний, романсов и других вещей.

Казаки донцы пели в операх; были драматическими арти-

стами. «Дух Божий живет, где хочет». Почил дух Божий на донских казаках, отметил их в ряду других народов. Не ошибся Император Николай I, когда при посещении Дона в 1837-м году сказал гимназистам Новочеркасской гимназии: — «я хочу, чтобы со временем и из донцов были сенаторы, министры, главнокомандующие»... Из донцов были и побольше того — были ученые, писатели, художники и люди с мировым именем и славой...

(Продолжение следует)

П. Краснов

Ермак завоевывает империю

(из книги «Завоевание Сибири» доктора юридических наук Семенова)

Сибирская Империя хана Кучума собственно не простиралась на Сибирь, каковой мы ее знаем на теперешней карте. Она находилась только на ее маленькой части, прилегавшей к рекам Оби и Иртышу. Она лежала как раз на пространстве, на котором дорога шла от Урала на Восток и на Мангазею. Таким образом — Кучум запер эту дорогу, подобно опущенному шлагбауму. Этот шлагбаум надлежало поднять и это сделал Ермак. Ему удалось это сделать очень быстро и с весьма незначительными силами. Ермак имел только 800 человек, Кучум во много раз больше. В отношении вооружения он превосходил сибирского Царя, но не больше, чем испанцы при завоевании южной Америки, противники которых еще не имели стального оружия. Пушек Ермак не имел, ружьями была вооружена лишь небольшая часть его людей. Казаки не имели вовсе лошадей, а все воины Кучума были конными. Его конница могла быть быстро переброшена в любом направлении, в то время, как казаки были привязаны к рекам, где на судах были погружены все их запасы.

И, наконец, была еще одна большая разница между татарами и атцеками. Татары были преемниками монгольских завоевателей, они были воинственны, военное дело было их ремеслом, и они знали его в совершенстве.

Почему же Ермаку сопутствовал такой успех?

Этого успеха Ермак достиг своей мудрой стратегией и еще более мудрой политикой. Империя Кучума состояла из многих отдельных частей. Ему подчинялось множество вассальных князей, для которых он был чужим. Его народцы отличались от татар и языком и религией. Кучум и часть его татар были магометане, прочие были язычниками. Они платили Кучуму дань. По существу им было безразлично, кому эту дань платить.

Вполне понятно, таким образом, что они были плохими защитниками Сибирской Империи.

Чтобы все это охватить и правильно использовать — недостаточно было быть только храбрым атаманом. Необходимо было быть одновременно и политиком и полководцем. Только тот, кто совмещал в себе эти два таланта, мог завоевать Империю. Еще много завоевателей устремились после Ермака в Сибирь, но он их всех был на голову выше.

Казаки плыли вдоль Туры и наблюдали на берегах конных татар и пехоту из остяков и вогулов. Начались первые рукопашные схватки. С высокого правого берега реки на казаков посыпались татарские стрелы. Река в этом месте была достаточно широка и стрелы плохо поражали свои цели. Казаки в ответ дали два-три залпа. Когда враги услышали «небесный гром» при ясном, безоблачном небе, они пришли в ужас и поспешно отступили. Попытка сопротивления одного из вассалов Кучума — Епанчи — окончилась разграблением его маленькой резиденции. Той же участи подверглись и окрестные становища. Однако казаки не продвинулись дальше по реке, так как наступили холода и Тура начала замерзать. Ермак зазимовал в развалинах старого татарского городка Чинга-Тура (нынешняя Тюмень). Пленных, взятых им в стычках с Епанчей, Ермак отпустил: — «Я не хочу причинить вам вреда, для меня важно захватить только самого Кучума».

В мае 1582 года казаки снова поплыли по Туре, по ней пришли они в Тобол.

В течение зимы люди Епанчи прибывали к Кучуму и рассказывали ему о «бесчисленных русских войсках», о самодви-

Редакция обращается с просьбой ко всем лицам, у которых сохранились прошлогодние номера «НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ» (№№ 1—16-й) — не отказать в присылке таковых по адресу:

Schriftleitung «KOSAKENPOSTEN» F. P. № 02306

жущихся кораблях и о том, что на одном из кораблей под красными парусами плывет русский витязь. Он пьет кумыс из золотого рога и стреляет серебряными стрелами из золотого лука. Когда стрела вылетает из лука, к небу подымается густой дым и раздается гром, поражающий людей и деревья. Кучум выслушивал все эти рассказы, а сам собрал войско, назначил Таузана главнокомандующим и послал его навстречу русскому витязю. Свою татарскую гвардию Кучум оставил при себе — а Таузана приказал по дороге мобилизовать верных вассалов. Ермак столкнулся с Таузаном уже на Тоболе. Казаки были полны боевого духа. Был май, с каждым днем становилось теплей. Леса сменились степями.

Боевой клич Таузана — «Умереть за Пророка» — не особенно вдохновил его войска, так как они этого Пророка не почитали. При первых же выстрелах вассалы разбежались во все стороны. Сам Таузен с небольшим числом татар попал в плен. Ермак принял их более чем дружелюбно. Он угостил их «огненной водой» (водкой) и бараниной. После еды казаки показали своим невольным гостям действие своих ружей. Одновременно они рассказали татарам, что по их пятам следует русское войско, еще в сорок раз большее. Увидя, какое все это произвело впечатление на Таузана, Ермак отпустил его со всей его свитой на волю. — «Возвращаясь к Кучуму», — сказал он, — «и скажи ему, что нашей рати нет числа. Он должен подчиниться и мы тогда не будем лить кровь». Но Кучум не принадлежал к тем, кто так легко сдается. Узнав о поражении Таузана, он начал организовывать оборону. Он послал всем своим вассалам приказания собирать силы.

Авторитет Кучума, непобедимого наследника Чингиз-Хана и Золотой Орды, был еще велик. Вассалы стекались к нему со своими войсками. Первыми явились татары из Барабийской степи, за ними следовали другие: Гулай-Мирза с ногайцами, князь Енбыш, князь Бардак, князь Немча, Бикей, Обак и Умак. Пришли все.

Рассказы беглецов все же произвели впечатление на Кучума, он сформировал отряд, поставил во главе его своего сына Маметкула и послал его навстречу Ермаку. Сам же приступил к укреплению своего города Искера.

У Бадассана, на Тоболе, произошло столкновение войска Маметкула с казаками Ермака. Битва продолжалась весь день и под конец казаки благополучно достигли Тобола. У татар не было кораблей и они следовали по берегу за кораблями Ермака, поражая их стрелами из-за каждой скалы. Когда Маметкул увидел, что он не может помешать дальнейшему продвижению казаков по Тоболу, он вернулся к отцу в Искер.

Ермак напал на одно большое татарское становище и взял его. Был уже август, а казаки все плыли по реке, нападая на становища вассалов и перенося богатую добычу на свои суда.

У устья Тобола Маметкул ожидал Ермака со всем своим войском. Силы Ермака были слишком слабы для обороны. Тогда он вышел с казаками на берег и атаковал Маметкула. Татары бежали. Эта битва произошла 1 октября. Зима приближалась — Ермаку пришлось принять решение — куда ему повернуть. Он стоял у слияния рек Иртыша и Тобола. По Иртышу лежали территории к которым он стремился. Далее на Оби лежала югорская страна, лежала Мангазея!

На Иртыше в своем укрепленном лагере засел Кучум. За лагерем жили оседлые татары. Там мог бы Ермак перезимо-

вать. К этим татарам прибывали бухарские купцы для покупки мехов.

Ермак повернул направо и стремительно пошел навстречу Кучуму. В начале октября казаки появились перед его укрепленным лагерем. Недалеко находилось покинутое становище. Казаки в нем крепко засели. Перед ними были укрепления Кучума и его орды.

Казаки провели здесь несколько недель. У них уже не было прежнего боевого духа. Последние битвы потребовали больших жертв убитыми и ранеными. Сопротивление татар все усилилось. До сих пор еще не удалось наголову разбить сына Кучума. Удастся ли разбить самого Кучума?

Зимовать без победы было равносильно замерзанию и смерти. Надлежало отступить.

На военном совете говорил атаман Матвей Мещериков. Остальные атаманы молчали.

— Ты подумал о том, что по ту сторону Урала нас ожидает пермский воевода с веревкой, в случае, если мы вернемся ни с чем? — спросил его Ермак.

— Лучше веревка, чем голодная смерть.

— Я никого не задерживаю — сказал Ермак. — Кто хочет — пусть ворочается. Но я завтра утром атакую Кучума. Я буду зимовать в Искере. Там мы возьмем в полон татарок, которые будут чинить наши рубахи.

— Правильно, атаман! — воскликнул Митя Бритусов, стоявший рядом с Ермаком. — Без татарок нам невместно. Наши рубахи все порваны. Нам пужны татарки.

Этот стратегический аргумент убедил казаков. Вечером они стали готовиться к битве.

Между тем Кучум составил план битвы со своими военна-

чальниками и посоветывался с муллами и шаманами. Те сказали ему, что «медведь прыгнул на спину оленя и олень понес его навстречу солнцу к высшему шаману, который сидит на троне из льда перед огненной стеной».

Кучум задумчиво погладил свою выкрашенную шафраном бороду и послал гонцов в близлежащие становища с приказанием, чтобы все женщины были отосланы в Искер. Остаток ночи молился он Аллаху.

Утром, 23 октября, казаки пошли на штурм укрепленного татарского лагеря. Им предстояло сначала взять земляной вал, а затем деревянный частокол. Татары энергично защищались. Передовыми их частями командовал наследник Кучума Маметкул. Он перешел вал и сам атаковал казаков. Закипел рукопашный бой. Неизвестно, как бы он окончился, если бы Маметкул в самый решительный момент не был ранен. Его приближенным удалось переправить его на лодке на другой берег Иртыша.

Когда об этом узнали воеводы, они поспешили очистить поле брани. Казаки ударили по лагерю. Сам Кучум бежал со своей свитой и остатками своих войск.

Белый медведь победил черного, олень бежал навстречу солнцу. В Искере Кучум убедился, насколько он был предсмотрителен, приказав отослать туда всех женщин. Он собрал их всех и взял с собою, направляясь далее на юг.

Казаки потеряли в этом бою 107 человек. Когда Ермак собрал вновь своих казаков — их оказалось не более пятисот. Но зато перед ним лежал покинутый татарами Искер и у Кучума больше не было войска.

Ермак завоевал Сибирь.

перевел Е. Букреев

В первой казачьей

Очерк пятый*)

Приказ: «Ударить по партизанам!..»

На партизан.

В три часа ночи писарь разбудил меня.

Луна шла на ущерб и уже не так ярко светила. Был как раз самый крепкий сон, но во дворах уже шло движение. Казаки седлали лошадей. По улице тянулись фуры.

Я быстро оделся и пошел к санитарной части. На столе у доктора Галишевского стояла холодная курица, помидоры, хлеб и «ракушка». Его сожитель, сотник Н... натягивал сапоги, сидя на кровати.

«Пошли по маленькой» для бодрости и, закусив на скорую руку, вышли на улицу.

У костела стояли хорватские фуры. Мимо их проходили сотни: вытягиваясь по дороге, терялись где-то впереди. Там уже шли части, их не было видно, лишь только доносились звуки движущейся массы людей и лошадей.

Нас село на подводу человек пять. Хорват тронул пару добрых лошадей. У дороги тянулась стена кукурузы. По сторонам шли боковые дозоры, шурша кукурузными стеблями.

Свернули вправо. Чем дальше, тем местность становилась более пересеченной. Окрестности топили в полумраке. Там шли холмы, кустарники. Дело близилось к рассвету. Стало прохладней.

Уже давно проехали линию обороны. У дороги, в яме, сидели казаки-пулеметчики в касках.

Проехали деревни: Зарлац, Цыгленик, впереди Поречь. 5 30 утра. Солнце еще не взошло. Выстрелов нет. Пока не столкнулись.

Ожидаемый противник: 12-я Славонская бригада. У партизан воюют и женщины. Большие фанатички. Со мной на санитарной фурманке едет командир 9-й сотни: сотник Гончаров — кубанец. Он мне рассказывает один эпизод за другим. Кононовцам есть о чем вспоминать.

Однажды казаки целый день наступали на партизан. Лето. Жара. Крутые горы. Заморились до того, что аж языки высушили. А тут как на грех, метрах в ста, женщина партизанка подняла подол, показывает панталоны, да еще похлопывает себя: «Что взяли казаки?»

Женщина была свежая, а казаки ноги еле волочат. Бежать ва ней — не догонишь. Досада взяла пулеметчика. Приложился, нажал спуск и попал прямо в оскорбительное место. Срезал бабу. Не связывайся с казаками — не бабье дело.

Полковник Кононов требует сотника Гончарова на перед-

Через несколько минут Гончаров возвращается назад и мы продолжаем разговоры.

Двигаемся вперед. Останавливаемся.

Рядом, с пулеметом на плече, идет как с гармошкой молодой пулеметчик Кащеев — донец Белокалитвенской станицы. Пилотка лихо сидит на голове. От всей его фигуры веет удалью и смелостью бывалого бойца.

Гончаров говорит про него: «Его пулемет ревет, как скаженный. Наверное газовая камера разработалась».

Вокруг нашей повозки идут молодые казаки. Пять дней тому назад, в этих же местах под Бектежем, они вели бой, когда убили есаула оренбурца Катьянова, сейчас они опять идут туда-же.

Ни тени усталости, сомнения. Какое же тут сомнение, усталость, когда всем полком пошли.

Мы в деревне Поречь. Ни единой души. Пустые дома. Выбитые окна. Раньше здесь жили немцы колонисты. Уже давно выселились, оставив нажитое упорным, длительным трудом.

Мы втягиваемся в партизанское логово. Попржнему не стреляют.

Солнце взошло. День обещает быть жарким. На небе — ни облачка.

Гончаров режет хорватскую колбасу: мясо с горьким перцем — довольно вкусное блюдо. После ночного путешествия мы хорошо проголодались. Закусываем с аппетитом. По хорватски ее зовут «кулин» или «кобасца».

В долинке перед Поречь, на сером коне, появляется командир полка Кононов. На нем гимнастерка и кепи южных войск, но нет погон. Говорят — прошлый раз есаул Катьянов был убит из-за слишком ярких офицерских погон.

На левых рукавах у всех — белые повязки.

Говорят, балканскими партизанами руководит сын Черчилля. Бой партизаны принимают в пропорции 1 : 5 или 1 : 6. Вчера в деревне Кутьево разведка слышала духовой оркестр. Партизаны четвертый день собирают в лесу и кукурузе убитых и хоронят.

Стоим у домов в Поречь. Все тихо.

Авангард втягивался в ближайшие горы.

Партизаны почему-то молчат, не принимают боя. Возможно ожидают на более удобной позиции. Во время боя 29 августа под Бектежем у них был убит какой-то большой командир, чуть-ли не командир бригады. Всех партизан хоронили в общей могиле, его — отдельно. Казачья разведка слышала, как играл духовой оркестр.

*) См. № 39 «На Казачьем Посту».

Обозы и сотня, идущая в арьергарде — остановились. Казаки повытащили масло, хлеб, мясо, колбасу — кто что захватил. Закусывают.

Оставляю обоз, иду вперед — разузнать, что там делается? Проходим за Поречье следующую деревню. Здесь на дворах — жители: женщины, дети, старики. Мужчин среднего возраста не видать, — повидимому ушли в партизаны или попрятались. Женщины с малыми детьми, прижавшись к притолоке дверей, испуганно смотрят на нас. Для них — мирных крестьян. — война — сплошное разорение. Пospела кукуруза, в садах поспевают яблоки, груши, виноград, в огородах — капуста, картошка, бураки, помидоры, а тут идут люди с автоматами, стреляют из пушек, пулеметов, убивают друг друга, уходят и вновь приходят...

На испуганных лицах написан ясно один вопрос. «Когда же конец?»...

Влево — километра два — редкие выстрелы. На высокой ноте — машинная дробь автоматов, а вот тоном ниже — заговорили пулеметы.

По улицам идут, держа в поводу лошадей, казаки. За несколько минут до того тихая деревня наполнилась стуком колес, голосами проходящих сотен.

Улица деревни не идет по прямой линии, а все время отходит влево.

Кононов прорыснул со штабом. Темно-серый конь шел сильной, спорой рысью. За ним — офицеры, казаки, немцы и резервная сотня.

Деревня кончается небольшой рощицей. Дальше дорога идет в горы, глубоко врезуясь в землю. Чтобы посмотреть окрестности, надо вылезть на отвесную стенку вправо или влево.

Солнце сильно печет. В зимнем френче становится невероятно жарко.

Дорога идет в горы. Мы в партизанском логове. Впереди, сзади, с боков — горы, поросшие дубняком, каштаном, вязом.

Иногда я присаживаюсь в тень отвесной стены дороги, к кустарнику, и начинаю заносить в блок-нот впечатления «с пылу, с жару». Сидящие рядом молодые казаки с удивлением смотрят на странного офицера, который во время операции занялся какой-то писаниной. Так и читаю на их лицах: «И охота-же человеку такой чепухой заниматься, да еще во время жары. И вообще чего писать, когда тебя может-быть скоро стукнут. Лучше посидеть, покурить, поболтать с товарищами...»

Командир 1-го дивизиона есаул Мачулин — терец — говорит своим офицерам: хорунжему Сокол, сотнику Гюнтер, сотнику Орлову:

— Сегодня 2 сентября — мои именины. За неделю вперед все заготовил: ракию, вино, лимонад, мясо, птицу, колбасу, сыр, яблоки, виноград... Ну, думаю, сегодня устрою именины. Не повезло... Вот так вечно: как только что задумаю сделать, обязательно операция...

Высотка, поросшая кустарником. Здесь весь штаб полка во главе с Кононовым. Его невысокая, деятельная фигура мелькает и здесь и там. Он оценивает обстановку, принимает донесения от передовых эскадронов и тут-же передает приказания.

Сажусь в холодок под кустарник. Опять вытаскиваю блок-нот. Рядом со мной — спелые гроздья ежевики. Я пишу и с наслаждением освежаюсь ежевикой. Но ежевика не кисловатая, как у нас, а сладкая.

К Кононову подошли командиры дивизионов есаул Мачулин, майор Борисов. Оба были в конном полку в красной армии. Борисов уже 17 лет в армии — оба профессионалы военные.

Мачулин отдает приказ: сотням идти правым флангом на Кутьево. Сотни майора Борисова идут влево на Кутьево. В тыл на Кутьево должны наступать кубанцы 3-го полка.

Тут-же на горке полевая радио-станция. Немец обер-лейтенант отдает приказания батарее, стоящей отсюда в 4 км, начать пристрелку по партизанам. Молодой немец-радиотехник медленно выговаривая каждое слово, передает на батарею расчеты. Трое немецких молодых лейтенантов, положив один другому блок-ноты на спины, делают вычисления и тут-же сообщают командиру батареи результаты.

Один за другим — три выстрела. Над горами рвется шрапнель. Эхо перекачивается в долинах.

Наконец-то я передаю, почерневший от пота, френч писарю, а сам догоняю есаула Мачулина.

Кононов куда-то ушел по направлению Кутьево. По лесу движутся казаки. И влево и вправо — всюду казаки. Коноводы с лошадьми отстали сзади. Лес наполнился гулом человеческих голосов, шумом раздвигаемых кустов, треском веток, шуршанием травы.

Мачулин говорит: «Вот здесь прошлый раз, в этих кустах, мы дрались с партизанами».

С горки, со стороны Кутьево, заработал партизанский тяжелый пулемет. Пули цокают о деревья.

Казацья самокатная сотня

Небольшая заминка. Но есаул Мачулин кричит: «Вперед! Не останавливаться...» По лесу слышатся крики: «Вперед!» Казаки вновь двинулись. С нашей стороны, прямо с ходу, ответили пулеметы и автоматы.

Гора круто спускается в долину.

Сквозь деревья видно, как бегут партизаны. Вон мужчины с винтовками, а вон и женщины. Они убегают к Кутьево.

Должно быть не ожидали нас. Вот на дереве висит разорванная пилотка с красной суконой, коммунистической звездочкой, на земле стоит трехлитровая, пузатая бутылка, оплетенная талами. Казак пхает ее ногой и идет дальше. Бутылка из-под ракии. Повидимому недавно выпивали.

Мои городские сапоги, без шипов, скользят. Я лечу вниз и едва успеваю схватиться за дуб. С трудом спускаюсь. Перехожу узкую, зеленую долину и начинаю восхождение на гору.

Над горой рвутся наши шрапнели. Партизанский пулемет замолкает.

Кутьево

Нет — это мученье взбираться на крутую гору на гладко отполированных подошвах. Вижу — прямо мне не взобраться, делаю обход и начинаю с трудом подниматься, — ставлю ступни не прямо, а ребрами. — Кое-как начинаю осиливать крутизну.

Казак тоже мучается с лошадей. На ней — вьюк с минами. Бедное животное старается из всех своих лошадиных сил. Наконец-то мы добираемся до тропинки, штопором идущей в гору, и здесь уже немного облегченно вздыхаем.

Пока я возился, 1-й дивизион ушел вправо — в гору. Я присоединяюсь ко 2-му дивизиону.

По склону горы, насколько хватает глаз, тянутся виноградники. Стебли подвязаны к горизонтально протянутой на кольях проволоке. Виноград черный, крупный, мясистый и желтый — по-меньше, — самый сладкий.

Сильно хочется пить. Во рту такая сухость, что даже слюны не ощущается. С жадностью набрасываюсь на виноград. Но это только иллюзия, — жажду утолить не удастся, — а от сладкого винограда, от которого даже пальцы слипаются, хочется еще сильнее пить.

2-й дивизион майора Борисова занял виноградники. Выше по горе стоит 1-й дивизион есаула Мачулина. Вон и полуразрушенный кирпичный домик. У него стоял партизанский пулемет. Когда партизан-пулеметчик открыл огонь, полковник Кононов приказал артиллеристам ударить шрапнелью. Со второй шрапнели четырех партизан, бывших у пулемета, уложило. Партизаны успели трех утянуть, а одного убитого молодого парня и пулемет бросили.

Внизу, в долине — Кутьево. По направлению к Грабарью, откуда мы пришли, тянется благодатная Пожежская долина, богатая виноградом и фруктами.

У казаков в руках тяжелые гроздья винограда. Казалось без конца ел-бы эти чудесные сочные ягоды, но желудок уже полон, а глазами все еще ел-бы.

Солнце в зените. Печет немилосердно. Идем в холодок сарая. Но и тень не спасает, — такая духота!

Беру бинокль. Наша артиллерия покрывает шрапнелью ближайшие горы за Кутьево. Шрапнель рвется над перебегающими партизанами. Их видно в бинокль.

Я уже не могу больше есть виноград. С сожалением кладу тяжелые кисти на верхушки кольев.

Кононов со штабом находится внизу, в левом конце Кутьево, за кладбищем, в одном из домов. Решаю пойти на поиски.

Здесь я «свободный художник» и могу проследить все перипетии наступления наших сотен.

Но дивизионы стоят на высотах, а в Кутьево не втягиваются. Село расположено в низине, как в чашке. Полк, вошедший туда, можно обстреливать с ближайших гор.

Майор Борисов и его референт — немецкий лейтенант — постояли, посмотрели и пошли по сотням.

Я спускаюсь с горки по виноградникам. Внизу у села — сады, огороды, гумна, саран.

Казаков ни души. Я один. Со дворов, из сеней на меня смотрят хорваты. О чем-то говорят. Может-быть обо мне.

Невольно вспоминаю недавний случай. 29 августа, после разгрома партизан, казаки заняли Кутьево. Два казака зашли во дворы и были застрелены из-за угла партизанами. И это случилось тогда, когда по улице ходили их товарищи. Партизан не нашли, а к семи казакам, погибшим во время боя, прибавились еще два.

Почему-же подобная история не может повториться и со мной. Вон и женщина чего-то подозрительно смотрит из сеней.

Я вынимаю из кобуры браунинг, досылаю в дуло патрон, ставлю на предохранитель и кладу в правый карман.

Вернуться назад? Нет — я просто перестал-бы уважать себя. Прохожу хорватский двор, выхожу на улицу. Вижу человек пять казаков. Свой...

— Где командир полка?

— За кладбищем, у дороги...

Подхожу к ручью. С жадностью пью и мочу голову. Ах, как приятно освежиться во время жары!..

У дороги на камне сидит полковник Кононов.

— Живы-здоровы, господин полковник?

А что-ж нам сделается? Не выдержали Титовцы — бежали... Дело все к пустякам свелось... Четырех убили, одного забрали в плен... — как бы оправдываясь за неудавшийся спектакль, говорит Кононов. — Это уж, как правило, когда мы на них наступаем быстро и неожиданно, — они никогда не принимают боя. Да и после 29-го августа не очухались еще.

Я иду по дороге. Доктор Галишевский заворачивает ушедшую подводу. Обозы и конные двигаются назад — на Грабарье.

От жары даль подернута какой-то сизой дымкой.

Приказано остановиться и подождать отставших. Когда едешь — хоть немного есть движение воздуха, а как остановишься — жара становится невыносимой.

Под деревом, в тени у дороги, сидят два казака с пойманным партизаном. «Грозный» партизан — всего на-всего мальчишка лет двадцати.

Он шел с донесением от командира батальона к командиру бригады и нарвался на наступающих казаков 2-го дивизиона. У него отобрали польскую винтовку и 50 штук патронов.

— Чего же ты на казаков перся?

— А я не знал, что это казаки.

— Доброволец?

— Нет — мобилизованный...

Он хоть и молод, но не настолько глуп, чтобы сознаться. Разговор ведется на русском и хорватском языках. Молодежь казаки удивительно быстро изучают чужие языки.

На молодом партизане — пилотка со звездочкой из красного сукна, немецкий френч, английские брюки и ботинки.

— Откуда же вы оружие, обмундирование получаете?

— От англичан... На парашютах...

Оказывается, мы наступали на чешскую добровольческую бригаду. Сам парень — из ближайшей деревни. Хорват.

Стороной дороги, прямо по пахоте, промчался п-к Кононов со штабом. Серый конь шел все так же сильной, крупной рысью, выбрасывая копы из под копыт.

Обоз двинулся на Грабарье. За обозами шли сотни. По дороге два казака гнали молодого партизана. Руки у него были связаны назад.

Неподалеку от Грабарья, у кирпичного завода, находилась батарея. Молодые немцы артиллеристы, голые до пояса, стояли у орудий. Они широко, весело улыбались, как бы желая сказать:

— А что, славно постреляли? Вот мы какие молодцы!..

Над дорогой висело густое облако пыли. Пыль лежала на повозках, на лоснящихся от пота крупах лошадей, на лицах и гимнастерках казаков.

Полк входил в Грабарье.

А. Яганов

(Продолжение следует).

Андрей Ф.

Два стихотворения

Ах, синим светом сияет Вега
И льет на землю поток лучей.
Вернусь живым-ли я из набега,
Увижу-ль счастье твоих очей?

Так было прежде. В столетней дали
Я помню часто встречал тебя.
Мы были вместе и мы молчали
Тоскуя, зная и любя.

На бой кровавый с ордой монголов
Ты провожала тогда меня
И взор твой милый был вечно молод
И полон веры и огня.

Меня манили земли просторы,
Душа рвалась из мирных пут,
И снова лаской сияли взоры
И ты крестила мой трудный путь.

Ты суждена мне с начала мира,
Нас неразрывно связал Творец,
Нам синим светом сияет Лира
И космос вечный — вот наш дворец!

Ах, синим светом сияет Вега.
И льет на землю свои лучи.
Вернусь живым-ли я из набега?
Вернусь. Я знаю. Не плачь, молчи.

Так будет!

Милый город! Осеннее солнце пылает,
В тусклом золоте плавится день.
Мы с тобой тополевой аллеей шагаем
В облаженных ветвей паутинную тень.

Воздух терпкий и пряный — как вино молодое
Серебро паутины осенней хранит,
Вперемежку с багрянцем руно золотое
Из опавшей листвы под ногами шуршит.

И кристальная синь опрокинутой чаши,
И внезапный простор облетевших аллей,
Звонким счастьем сердца переполнили наши —
Мы бежим, задыхаясь, как двое детей.

И когда у скамьи ты достигнута мною,
Я смотрю неотрывно в сияние глаз,
Твой каштановый локон над круглою бровью
Мне напомнит былое, этот первый раз.

И когда загорится в поцелуе пьянящем
Аромат твоих губ и зубов холодок,
Мы почувствуем оба, что любви настоящей
Никогда не разрушит военный поток!

В одном казачьем полку...

Полковой священник у алтаря походной церкви в лесу

Первый из казаков полка, получивших Железный Крест 2-го класса

Джигитуют

Пулеметчики за работой

Мы куем кадры

(Очерк)

Продолжение*

1.

Жара не спадала: на небе ни облачка, ветер замер, сильнее пригревало солнце. Опустив зеленые листочки, в полудремоте жаркого августовского полуденного дня дремал лес.

Озеро было спокойно. За лето много воды ушло из него. Прежние берега далеко остались на суше, западная прибрежная полоса озера сильно обмельчала, сделавшись светло-зеленой. Вода в этой части озера особенно была теплой. Как приятно купаться! А как хорошо в жаркий день в гуще леса. Пахнут сочные спелые яблоки, под тяжестью спелых груш и слив обвисают ветви, виднеются почти спелые орехи. А сколько в лесу черного кислое терна, на который никто не обращает внимания.

Воскресенье. Неожиданно для всей школы распространился слух, что в среду школа покидает летний бивуак. В город ехать никому не хотелось. Вечером выступала школьная клоунада, хор и школьный оркестр под дирижированием учителя музыки Пушкарева заиграл кубанский гимн «Ты — Кубань, ты — наша Родина» и сотни голосов повторяли родные слова. Гимн окончен, вечер открыт. Усаживаются юные казаки прямо на зеленую сочную траву. Оркестр исполняет «Золотой дождь». Приказ школе о переезде в город начальник школы перед открытием вечера не объявил, следовательно слухи были неверны, школа остается в лесу.

Когда стало темнеть, зажгли костер. В этот вечер присутствовали старые казаки, приехавшие из города Л. навестить своих сыновей; присутствовали французы из соседнего села, приглашенные начальником школы. Подоженный костер жарко загорелся, но так же быстро перегорел. Лукутцов и Турилин Жорик исполняли казачка. И вот, когда казалось, что юные казаки устали, на площадку выбегают Пожидаев и Володя Донец. Закружились все вместе, пошли в присядку. Сюрпризом вечера было выступление на сцене старого казачьего атамана Горб. Оркестр играет лезгинку... Старый атаман удивил всю школу... Гром аплодисментов потряс все пространство. Эхо отдалось в лесу, когда атаман словно замер, окончив последнее колено. Старые казаки по традиции передают свое искусство танцев молодому поколению.

Более месяца ожидали юные казаки приезда генерал-лейтенанта фон Панвица. Проходило лето, а все еще не приезжал. Каждый день его ожидали. С момента организации школы он заменил сиротам родного отца. Проявленную любовь и заботу к юным казакам и школе крепко помнят воспитанники. При каждом разе, когда вспоминали родного генерала, радостно загорались глаза, улыбка пробегала по их лицам.

Сколько воспоминаний за 15 месяцев осталось у меня об этой большой юной казачьей школе, организованной по инициативе генерала фон Панвица.

Я уже чувствую, что следует очерк оканчивать, так как всего не опишешь в одном очерке.

В этот вечер в лес убежал «Макс», а с ним Лени Худикова, «Галка», и еще один буланенький жеребчик, на котором ездит зондерфюрер «Z» Попов. За ними никто не пошел. И все видали, и никто не обратил серьезного внимания, надеясь на другого и не желая уходить от костра.

К одиннадцатому часу вечера тучи медленно потянулись по синему небу с запада, направляясь на восток.

* См. № 39 «На Каз. Посту».

Они опустились совсем. Стал накрапывать теплый мелкий дождик. Приятно засыпать в палатке, прислушиваясь к шуму дождя, всматриваясь в сумерки ночи. Ночью дождь перестал. Англо-американские самолеты так низко пролетели над лесом, казалось, зацепятся за верхушки высоких деревьев. Беспokoющие полеты не прекращались в течение всей ночи. Наши часовые и дозорные видели, как из лесу подавались террористами сигнальные ракеты.

О террористах все знали. И все же на прочистку леса школа юных казаков выступить не могла: приказа не было, к тому же с воспитанниками школы не было необходимости вступать в бой против французских террористов. Для этого были взрослые казаки; учитывая это, мы ни на одну минуту не забывали о террористах. Посты на ночь ставили усиленные, посылались дозор.

2.

Утром, на следующий день, начальник школы был не в духе. Не успели позавтракать, обер-лейтенант Минш дает приказание всей первой сотне итти в лес и во что бы то ни стало найти лошадей.

Выслушав приказание начальника школы, обер-лейтенант Божинский в свою очередь отдает вверенной ему 1-ой сотне распоряжение и особо уряднику Полякову приказывает, без лошадей не возвращаться. Сотня строем уходит в лес. Отойдя метров на триста от расположения лагеря, Поляков разбил сотню на отделения, назначил в каждом отделении командира из наличия урядников, юных урядников и ефрейторов. Сам также взял отделение и стал сворачивать вправо на гору. Впереди справа идет урядник, слева Остроушко Сема, а сзади одиннадцать юных казаков — отделение Полякова. В отделении урядника Полякова было шесть винтовок, а в отделении урядника Форостянка — 4 винтовки, у ефрейтора Семиглазова — семь, в остальных отделениях не более...

Как только густые ветви скрыли казаков, на восточной стороне озера раздалось ржанье... «Макс» еще с вечера обогнул участок леса, вышел на опушку, в кустарники, откуда хорошо видны коновязи, остался до утра. Я отошел от палаток ближе к ручью, откуда хорошо было видно лошадей. Поматывая головой, «Макс» выходил из кустов ближе к озеру, следом за ним плелась «Галка» и буланенький жеребчик... Озеро паровало. Поверхность не блестела, зато верхушка леса горела тысячую маленьких солнц. Каждая капелька воды на сочных листьях блестела на солнце.

Я не вытерпел и закричал:

— Господин обер-лейтенант, «Макс», вот идет «Макс»...

— «Галка», м-о-я «Г-а-л-ка-а-а», — кричал от радости Худиков, высоко подпрыгивая.

— Я и давно знал, — спокойно говорит обер-лейтенант Божинский. — Куда он пойдет от лошадей... Никому он не дается... Я вчера видал, как он побежал в лес, насколько не беспокоился об этом... Пусть бежит... Лошадей я знаю... Недаром же имею три ребра перебитых...

— Вы посмотрите, как Худиков побежал к «Галке», — говорю я, обращаясь к обер-лейтенанту Божинскому.

— Да, он пять раз ночью приходил на конюшню. Придет, посмотрит по сторонам, повернется и уходит: «Нет моей «Галки»... На ком же я буду джигитовать...» Это вот через него и начальник школы рассердился... Если бы не он... — Снова послышалось ржанье. Раздался топот:

карьером пронесли лошади следом за «Максимом» мимо нас к коновязям.

— Жаль, измучатся ребята. — Постоял немного обер-лейтенант Божинский, повернулся на месте, позвал дежурного по сотне:

— Пошли двух юных казаков... Пусть все быстрее возвращаются... А то они и к обеду не вернуться...

Августовское утро. Кругом подымается белый пар, роса еще не спала, из-за леса показывается огромное солнце. Все выше подымается оно, теплее пригревает, незаметно улетучивается роса, пропадает утренний редкий туман, не так уж блестит лес, синее озеро, жара припекает. Тянет в лес, в густые заросли, за яблоками и орехами! А как сладко спится на разостланном одеяле под разлатым деревом, в тени... На платцу и у озера стоит уже жара, а в тени все еще дышит прохлада ночи. Ночной караул вдыхает утреннюю ленивую сладость, вместо ночных часов, проведенных на посту, он досыпает утром.

Первая сотня из леса не возвращалась. Вторая сотня ушла на занятия. Тихо у озера, в летнем лагере юных казаков, словно все омертвело. Только изредка раздавалось громкое ржанье да издали доносились детские голоса. Обращаясь ко мне, командир первой сотни говорит:

— Ну, господин учитель, ни послов, ни сотни... Провалились... Уже одиннадцатый час, а их все нет... Сорвались сегодня занятия... Остроушко... Ох, этот мне Остроушко. — Не успел договорить обер-лейтенант Божинский, как затрещало в лесу, справа за лесом. Поднялась такая стрельба, казалось, не меньше как сотня автоматчиков наступает на лагерь... Поднялось все вверх ногами. Начальник школы, атаман Горб, Божинский, лейтенант Мукасеев со второй сотней — все взяли за оружие и поспешно направились в лес. В это же время с донесением прибыли казаки из леса. Связной докладывал обер-лейтенанту Миншу. Я мало чего понял из доклада, но уже о многом догадывался. Что-то упоминали Остроушко, Полякова, автоматы... велосипедисты.

На ноги поставили всех в лагере: разбудили ночной караул, вооружили всех денщиков... Пулеметы поставили на полном боевом... Резервом командовал зондерфюрер «Z» Попов... Суетня... И никто толком не знал, что случилось. Стрельба в лесу не стихала. Стреляли кругом: очереди автоматчиков раздавались справа, одиночные выстрелы раздавались слева, в той стороне, откуда вышел

Юные казаки роют окопы

«Макс». Никто ни о чем никого не спрашивал. Все были готовы к бою, все знали, что в лесу что-то случилось с казаками. Я остался вместе с резервом. Первое время я решил, что первая сотня напала на штаб террористов. И что испуганные террористы от неожиданности смелого и решительного действия со стороны юных казаков открыли беспорядочную стрельбу. Другого я ничего не мог придумать. Оставалось мне только одно: кладнокровно взглянуть опасности в глаза и вместе с маленькими героями разделить горькую судьбу. «Инкубатор», который не пошел в лес с лейтенантом Мукасеевым, прибежал из леса и, видя опасность, взяли свои карабины и беспрекословно выполняли приказания зондерфюрера «Z» Попова. Все было рассчитано, предусмотрено: если террористы покажутся со стороны озера, будут стрелять из пулеметов второй сотни, если у моста, вверх по течению ручейка, то перекрестный огонь откроют из пулеметов обеих сотен.

Стрельба в лесу стихла. Так обстояло дело в самом лагере. После я узнал подробности, связанные с походом урядника Полякова и Семена Остроушко, из рассказов участников, живых очевидцев.

(Продолжение следует)

В. Никонов

О л я

Повесть
(Окончание)

VII.

Предутренняя лесная прохлада, освежающе действуя на всякого так же благоприятно подействовала и на состояние Оли. Она пришла в сознание и, оглядевшись вокруг, заметила, что лежит всего метрах в десяти от дороги. Приподнявшись, она попыталась добраться ближе к дороге, но опять бессильно опустилась. Все тело ее ныло от ушибов, в груди ощущалась колющая боль. Не поднимаясь на ноги, на четвереньках, она поползла ближе к дороге и, тяжело дыша, усеялась там прислонившись спиной к стволу дерева.

Полусотня казаков возвращаясь в село Берестово, не спеша, шагом ехала по дороге, выслав впереди себя, на всякий случай, двух дозорных.

Вдруг, ехавший в дозоре впереди сотни казак, круто повернул коня назад и подскочил к командиру, громко пронес:

— Господин под'есаул! Впереди нас, возле дороги, партизан сидит!

— Партизан? Один или много? — спросил его, встревожившись, под'есаул.

— А чорт его знает, как-будто бы один, — неуверенно отвечал прискакавший казак.

— Надо лучше было рассмотреть, ну ладно. Сотня к бою! — Тихо послышалась его команда.

Снимая на ходу винтовки и обнажая шашки, прищиприв коней, казаки галопом помчались к месту, где сидел партизан.

Подскочив к месту, указанному дозорным, все внезапно остановились разинув рты от удивления, ибо в этом сидящем у дерева «партизане» все сразу узнали одетую в шинель и крайне измученную свою землячку Олю.

Несказанно удивляясь и чувствуя себя, даже как то неловко от своего лишнего боевого азарта, все спешили и, обступив ослабевшую девушку, старались поскорее узнать, что такое с нею случилось, почему она здесь и в таком виде.

И когда Оля кратко поведала им о страшном происшествии с нею в эту злопамятную ночь, восхищению и восторгам не было конца. Все о глубокой жалостью взирали на нее, утешали самыми милыми, по отцовски сердечными словами и от души всеми силами старались облегчить ее страдания.

Казаки бережно посадили Олю в седло к одному ее станичнику, который, сев сзади на круп своего коня, с величайшим удовольствием уступил ей место в седле и одной рукой держал поводья, а другой поддерживал девушку всю дорогу.

почему казак Негибов действительно не сгибаем, и он будет жить, будет громить жидов и их приспешников, борясь за свободу, за право на жизнь, мирную и счастливую, и слава казачья никогда не умрет в столетиях. Это слово казак символ бесстрашия, мужества, выносливости и геройства.

И вот здесь, далеко от наших однокровных казаков, сидя за чтением журнала, мы чувствуем себя нераздельными членами общей семьи двух братских народов, отличающихся своей храбростью и геройством, не на словах, а эти слова начертаны в истории походами этой Великой Освободительной войны.

Этим маленьким нашим письмом хочется уверить наших одностаничников, находящихся сейчас в рядах борю-

щихся казачьих полков, что мы здесь своим честным трудом и беззаветной преданностью Фюреру, в такой ответственный момент, мы с Вами, мы никогда не бросим Вас, не забудем.

Пусть это маленькое, может быть, неумело, но от всей души, написанное письмо еще больше воодушевит на борьбу с врагом.

За смерть наших дедов, отцов и матерей, братьев и сестер, за несчастную, серую, крепостную жизнь молодежи, за исковерканную душу, за оплеванную честь казачью, месть, кровавая месть тиранам.

Да здравствует свобода и справедливость!

Да здравствует победа!

В. Друккер.

Поминки по Остапе

Из повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба»

Отыскался след Тараса. Сто двадцать тысяч козацкого войска показалось на границах Украины. Это уж не была какая-нибудь малая часть или отряд, выступивших на добычу или на угон за татарами. Нет, поднялась вся нация, ибо переполнилось терпение народа. Поднялась отомстить за посмеяние прав своих, за позорное унижение, за оскорбление веры предков и святого обычая, за посрамление церкви, за бесчинства чужеземных панов, за угнетение, за унию, за позорное владычество жидовства на христианской земле, за всё, что копило и сугубило с давних времен суровую ненависть козаков. Молодой, но сильный духом гетман Остриганя предводил всю несметную козацкую силу. Возле был виден престарелый, опытный товарищ его и советник Гуня. Восемь полковников вели двенадцатитысячные полки. Два генеральные есаула и генеральный бунжужный ехали вслед за гетманом. Генеральный хорунжий предводил главное знамя; много других хоругвей и знамен развевалось вдали; бунжужные товарищи несли бунжужки. Много также было других чинов полковых, обозных, войсковых товарищей, полковых писарей и с ними пеших и конных отрядов; почти столько же, сколько было рейстровых козаков, набралось охочекомонных и вольных. Отовсюду поднялись козаки, от Чигирина, от Переяслава, от Батурина, от Глухова, от низовой стороны Днепровской и от всех его верховий и островов. Без счёту кони и несметные таборы телег тянулись по полям. И между теми-то козаками, между восемью полками отборнее всех был один полк; и полком предводил Тарас Бульба. Всё давало ему перевес пред другими: и преклонные лета, и опытность, и умение двигать своим войском, и сильнейшая всех ненависть к врагам. Даже самим козакам казалась чрезмерною его беспощадная свирепость и жестокость. Только огонь да виселицу определяла седая голова его, и совет его в войсковом совете дышал только одним истреблением.

Нечего описывать всех битв, где показали себя козаки, ни всего постепенного хода кампании: все это внесено в летописные страницы. Известно, какова в русской земле война, поднятая за веру. Нет силы сильнее веры. Непреоборима и грозна она, как нерукотворная скала среди бурного, вечоизменчивого моря. Из самой середины морского дна возносятся она к небесам непреломные свои стены, вся созданная из одного цельного сплошного камня. Отовсюду видна она и глядит прямо в очи мимо бегущим волнам. И горе кораблю, который нанесётся на неё! В щепы летят бессильные его снасти, тонет и ломится в прах все, что ни есть на них, и жалким криком погибающих оглашается пораженный воздух.

В летописных страницах изображено подробно, как бежали польские гарнизоны из освобождаемых городов; как были перевешаны бессовестные арендаторы-жиды; как слаб был коронный гетман Николай Потоцкий с многочисленною своею армиею против этой непреодолимой силы; как разбитый, преследуемый, перетопил он в небольшой речке лучшую часть своего войска; как облегли его в небольшом местечке Полонном грозные козацкие полки, и как приведенный в крайность польский гетман клятвенно обещал полное удовлетворение во всём со стороны короля и государственных чинов и возвращение всех прежних прав и преимуществ.

Но не такие были козаки, чтобы поддаваться на то: знали они уже, что такое польская клятва. И Потоцкий не красовался бы больше на шеститысячном своём аргамаке, привлекая взоры знатных панов и зависть дворянства, не шумел бы на сеймах, задавая роскошные пиры сенаторам, если бы не спасло его находившееся в местечке русское духовенство. Когда вышли на встречу все паны в светлых золотых ризах, неся иконы и кресты, и впереди сам архиерей с крестом в руке и в пастырской митре, преклонили козаки все свои головы и сняли шапки. Никого не уважили бы они на ту пору ниже самого короля; но против своей церкви христианской не посмели и уважили свое духовенство. Согласился гетман вместе с полковниками отпустить Потоцкого, взявши с него клятвенную присягу оставить на свободе все христианские церкви, забыть старую вражду и не наносить никакой обиды козацкому воинству. Один только полковник не согласился на такой мир. Тот один был Тарас. Вырвал он клочок волос из головы своей и вскрикнул:

«Эй, гетман и полковники! Не сделайте такого бабьего дела! Не верьте ляхам: продадут псяху». Когда же полковой писарь подал условие и гетман приложил свою властную руку, он снял с себя чистый булат, дорогую турецкую саблю из первейшего железа, разломил её на-двое, как трость и кинул врознь далеко в разные стороны оба конца, сказав: «Прощайте же! Как двум концам сего палаша не соединиться в одно и не составить одной сабли, так и нам, товарищи, больше не видаться на этом свете! Помяните же мое прощальное слово...» (при сем слове голос его вырос, подымался выше, принял неведомую силу — и смуглились все от пророческих слов): «перед смертным часом своим вы вспомните меня! Думаете, купили спокойствие и мир, думаете пановать станете? Будете пановать другим панованьем: сдерут с твоей головы, гетман, кожу! Пабыт се гречаню пологою и долго будут видеть её по всем ярмаркам! Не удержите и вы паны, голов своих! Пронадёте в сырых погребах, замурованные в каменные стены, если вас, как баранов, не сварят всех живыми в котлах!»

«А вы, хлопцы!» — продолжал он, обратившись к своим: «Кто из вас хочет умирать своею смертью? Не по запечьям и бабьим лежанкам, не пьяным под забором у шинка, подобно всякой падали, а честной козацкой смертью, всем на одной постели, как жених с невестою! Или, может быть, хотите воротиться домой, да оборотиться в недоверков, да возить на своих спинах польских ксендзов?»

«За тобою, пане полковнику! За тобою!» — вскрикнули все, которые были в Тарасовском полку, и к ним перебежало не мало других.

«А коли за мною, так за мною же!» — сказал Тарас, нагнувшись глубже на голову себе шапку, грозно взглянул на всех оставшихся, оправился на коне своем и крикнул своим: «Не попрекнет же никто нас обидной речью! А ну, гайда, хлопцы, в гости к католикам!» И вслед за тем ударил он по коню, и потянулся за ним табор из ста телег и с ними много было козацких конников и пехоты, и оборотятся, грозил взором всем оставшимся, — и гневен был взор его. Никто не

посмеет остановить их. Ввиду всего воинства уходил полк, и долго еще оборачивался Тарас и всё грозил.

Смутны стояли гетман и полковники; задумались все и молчали долго, как будто теснимые каким-то тяжелым предвестием. Недаром провещал Тарас. Так всё и сбылось, как он провещал. Немного времени спустя после вероломного поступка под Каневым вздернута была голова гетмана на кол вместе со многими из первых сановников.

А что ж Тарас? А Тарас гулял по всей Польше с своим полком, выжег восемнадцать местечек, близ сорока костелов и уже доходил до Кракова. Много избил он всякой шляхты, разграбил богатейшие и лучшие замки, распечатали и поразливали по земле козаки вековые меды и вина, сохранив берегавшиеся в панских погребах; изрубили и пережгли дорожные сукна, одежды и утвари, находимые в кладовых. «Ничего не жалейте!» — повторял только Тарас. Не уважили козаки чернобровых панянок, белогрудых, светлоликих девиц: у самых алтарей не могли спастись они; зажигал их Тарас вместе с алтарями. Не одни белоснежные руки подымались из огнистого пламени к небесам, сопровождаемые жалкими криками, от которых подвинулась бы самая сырая земля и степовая трава поникла бы от жалости долу. Но не внимали ничему жестокие козаки и, поднимая копытами с улиц младенцев их, кидали к ним же в пламя. «Это вам, вражьи ляхи, поминки по Остапе!» — приговаривал только Тарас. И такие поминки по Остапе отправлял он в каждом селении, пока польское правительство не увидело, что поступки Тараса были побольше, чем обыкновенное разбойничество, и тому же самому Потоцкому поручено было с пятью полками поймать непременно Тараса.

Шесть дней уходили козаки проселочными дорогами* от всех преследований; едва выносили кони необыкновенное бегство и спасали козаков. Но Потоцкий на сей раз был достоин возложенного поручения: неутомимо преследовал он их и настиг на берегу Днестра, где Бульба занял для отдыха оставленную развалившуюся крепость.

Над самой кручей Днестра-реки виднелась она оборванным валом и своими развалившимися останками стен. Шибнем и разбитым кирпичем усеяна была верхушка утёса, готовая всякую минуту сорваться и слететь вниз. Тут-то с двух сторон, прилежащих к полю, обступил его коронный гетман Потоцкий. Четыре дня бились и боролись козаки, отбиваясь кирпичами и камнями. Но истощались запасы и силы, и решил Тарас пробиться сквозь ряды. И пробился было уже козаки и, может быть, ещё раз послужили бы им верно быстрые кони, как вдруг среди самого бегу остановился Тарас и вскрикнул: «Стой! Выпала люлька с табаком: не хочу, чтобы и люлька досталась вражьим ляхам». И нагнулся старый атаман и стал отыскивать в траве свою люльку с табаком, неотлучную сонутницу на морях, и на суше, и в походах, и дома. А тем временем набежала вдруг ватага и схватила его под могучие плечи. Двинулся было он всеми членами, но уже не посыпались на землю, как бывало прежде, схватившие его гайдуки. «Эх старость, старость!» — сказал он и заплакал дебёлый старый козак. Но не старость была виною: сила одолела силу. Мало не тридцать человек повисло у него по рукам и по ногам. «Попалась ворона!» — кричали ляхи. «Теперь нужно только придумать, какую бы ему собаке, лучшую честь воздать». И присудили, с гетманского разрешения, сжечь его живого в виду всех. Тут же стояло нагое дерево, вершину которого разбило громом. Притянули его железными цепями к древесному стволу, гвоздём прибили ему руки и, приподняв его повыше, чтобы отовсюду был виден козак, принялись тут же раскладывать под деревом костёр. Но не на костёр глядел Тарас, не об огне думал, которым собирались жечь его; глядел он, сердечный, в ту сторону, где отстреливались козаки: ему с высоты всё было видно, как на ладони. «Занимайте, занимайте хлопцы, занимайте скорее!» кричал он: «горку, что за лесом: туда не подступят они!» Но ветер не донёс его слова. «Вот пропадут, пропадут, ни за что!» — говорил он отчаянно и взглянул вниз, где сверкал Днестр. Радость блеснула в очах его. Он увидел выдвинувшиеся из-за кустарника четыре кормы, собрал всю силу голоса и зычно закричал: «К берегу! К берегу, хлопцы! Спускайтесь подгорной дорожкой, что налево. У берега стоят челны, все забирайте, чтобы не было погони!»

На этот раз ветер дунул с другой стороны, и все слова были услышаны козаками. Но за такой совет достался ему тут же удар обухом по голове, который переверотил всё в глазах его.

СЕЧЬ

Трещат жидовские шинки.
Гуляет Сечь. Держитесь ляхи!
Сегодня — завтра казаки
Пропьют последние рубахи.
Кто на Сечи теперь не пьян.
Но кто посмеет пьяных трогать?
Свой лучший выпачкал жупан
Сам атаман в колесный деготь.
Хмельней вино для казака,
Когда близка его дорога
И смерть для каждого легка
Во имя вольности и Бога.
В поход, в поход! Гуляет голь,
Гуляют старые старшины.
В поход — за слезы и за боль
Порабощенной Украины.
За честь поруганной страны
Любой казак умрет, как витязь.
Ясновельможные паны
Готовьтесь к бою — и держитесь.

Н. Тuroверов

Пустились козаки во всю прыть подгорной дорожкой; а уж погоня за плечами. Видят: путается и загибается дорожка и много даёт в сторону извилов. «А, товарищи! Не куды пошло!» — сказали все, остановились на миг, подняли свои нагайки и татарские их кони, отделившись от земли, распластавшись в воздухе, как змеи, перелетели через пропасть и бултыхнулись прямо в Днестр. Двое только не достали до реки, грянулись с вышины об камень, пропали там навеки с конями, даже не успевши издать крика. А козаки уже плыли с конями в реке и отвязывали челны. Остановились ляхи над пропастью, дивясь неслыханному козацкому делу и думая: прыгать ли им, или нет? Один молодой полковник, живая горячая кровь, родной брат прекрасной полячки, освободившей бедного Андрия, не подумал долго и бросился со всех сил с конём за козаками. Перевернулся три раза в воздухе с конём своим и прямо грянулся на острые утёсы. В куски изорвали его острые камни, пропавшего среди пропасти, и мозг его, смешавшись с кровью, обрызгал росшие по неровным стенам провала кусты.

Когда очнулся Тарас Бульба от удара и взглянул на Днестр, уже козаки были на челнах и гребли вёслами; пули сыпзлись на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

«Прощайте, товарищи!» — кричал он им сверху: «вспомните меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь, да хорошенько погуляйте! Что взяли, чортовые ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся козак? Пойдите же, придёт время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера!...»

Когда близка его дорога

свои нагайки и татарские их кони, отделившись от земли,

КАЗАЧЬИЙ КАЛЕНДАРЬ

на 1945 год

в ближ. время выходит из
печати в издании журнала
«НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ»

Р о з ы с к и

Сиротенко В., Фельдпостномер 00363, разыскивает Вас. Васильева.

Михайличенко Василий, Ф. П. № 35869-Л. — отца Вас. Лидр.

Попов Николай, из Пятигорска, — брата Петра Николаевича Попова. Адрес: Popoff, Sauer u. Sohn, Gemeinschaftslager AOE IA, Suhl, Thüringen.

Самойдов Марк Феодорович, — жену Анну Фр. Забродскую-Самойдову с сыном Таднем. Адрес: Reserve-Lazarett XXV C, Wien III, Sebastianplatz 3 (12a).

Диченсков Алексей Фролович, Ф. П. № 59315 — брата Василья.

Романенко Василий, Ф. П. № 17084-Д — сына Михаила.

Синявский Григорий, — тестя Помазана, с сыном, и родственников. Адрес: Sinlawsky, Reserve-Lazarett Pottendorf (stb. 25), bei Wien (12a).

Сухоруков Георгий Кузьмич, ст. Усть-Бело-Калитвенской, Ф. П. № 59624-А — сына Георгия, рожд. 1925 года.

Вальков Евгений Фед., Ф. П. № 56490 — отца Федора Дмитриевича.

Сотник Шашин Николай, Ф. П. № 32500 — сына Николая.

Леонид Грипак — полк. Михайлова, Ивана Заболотко и Р. И. Титус. Адрес: Leonid Gripak, Reserve-Lazarett Cosel O/S., Teillazarett Gnadenfeld, Winterschule (stb. 6).

Глухов Лаврентий Лавр., ст. Баклановской, Ф. П. № 28639 — сына Владимира.

Рыжинов Дмитрий, Ф. П. № 59742-С — Ивана Голосова.

Болдырев Василий, Ф. П. № 58851-А. из с. Ново-Заведенного (Терек) — родственников.

Ес. Мих. **Земцов**, Ф. П. № 02306 — семью И. П. Салая, ст. Динской (Кубань).

Зайцев Иван, Ф. П. № 46131-Б — Ив. Папинака и Якова Шведова.

Титов Иван Гаврилович, **Кулешов Николай** Павлович и **Челбин Григорий** Давидович, Ф. П. № 17084-Ф — родных и знакомых.

Карпенко Владим. Мих., **Луговский Захар** Вас., **Острак Иван** Емельянович, Ф. П. № 56361-Е — родных и знакомых.

Дорошенко Александр, ст. Апшеронской (Кубань), Ф. П. № 14777 — станичников.

Ярыш Василий Конст., ст. Старовеличковской, Ф. П. № 46131-Д — братьев Тараса, Григория, Тимофея и Ивана.

Ветров Петр Степ., ст. Усть-Медведицкой, — брата Сергея. Адрес: P. Vetrow, Lager Speer, 2. Komp., Nikolassee, Berlin.

По адресу Фельдпостномер 56188-А просят отозваться:

1. **Иваник Иван** Макс. — отца Максима Демьяновича, ст. Анастасневская.

2. **Пучка Павел** Петрович — отца Петра Игн., Аргир, Терек.

3. **Грудовой Николай** Ив. — брата Ивана, ст. Старотитаровская.

4. **Шевченко Николай** Ив. — сестру Марию, ст. Тифлисской (Кубань).

5. **Карпов Леонид** Дмитр. — сестру Марию, ст. Баталпашинской.

6. **Солоха Михаил** Емельянович — дядю Слабого Николая.

7. **Медовник Александр** Дм. — сыновей Геннадия и Валентина (станция Екатериновская, Кубань).

8. **Куриный Филипп** Иванович — отца, ст. Гостогаевской, Кубань.

9. **Туз Даниил** Гр. — Тимофея Ефименко.

10. **Григорьев Ив.** Ив. — сестру Марию, ст. Крымская, Кубань.

Иванов Николай Павлович, с хут. Яновка, Новочеркасск. района, Ф. П. № 44412 — отца Павла Михайловича.

Крещенко Филипп Устинович — жену Ольгу Александровну и дочь Галину. Сообщить: Рунге штр. 27, Берлин.

Иванов Николай Дмитриевич, Ф. П. № 32500 — сына Михаила, выехавшего в 1942 г. из Азова в Германию.

Протоиерей **Исидор Дереза**, Ф. П. № 32500 — дочь Галину и сына Алексея.

Бржезовская Нина Вас. — дочь Ксеню. Сообщить Протоиерею Василию Григорьеву, Ф. П. № 32500.

Протоиерей **Михаил Донецкий**, Ф. П. № 32500 — братьев Владимира и Виктора Александровичей.

Данилов Владислав Сергеевич, — Александра Владимировича Полякова. Адрес: Ing. Danilow, Thunau, Villengasse 2, Gars am Kamp 12A., Niederdonau.

Стащенко Иван Архипович, Ф. П. № 25822 — братьев Леонида и Алексея.

Дежин Николай Иванович, ст. Луганской, Ф. П. № 41182-IV — станичников.

Рыжинов Михаил Арс., ст. Мигулинской, Ф. П. № 59608 — Петра Николаевича Попова.

Дробнев Стефан, ст. Атаманской (Дон), Ф. П. № 59608 — сына Ивана.

Гончаров Дмитрий Григорьевич, из гор. Новошахтинска (Дон), Ф. П. № 17084-Е — знакомых.

Акименко Николай, ст. Суворовской (Дон), рожд. 1924 г., Ф. П. № 17984-Е — станичников.

Попов Степан Е., ст. Федосеевской (Дон), Ф. П. № 57055-А — станичников.

Бажанов Козьма Сем., хут. Есаулова, Тацпнск. района, Ф. П. № 38315-А — отца Семена Фирсовича.

Самойленко Петр, Ф. П. № 56066-Б, ст. Саратовской, Кубань — Полянского Евгения.

Пронин Иван, — Ст. Вас. Пикина, Ив. Дм. Ключкова, Тр. Андр. Мордвинцева, родственников и знакомых. Адрес: Pronin, Schönberg (Mecklenburg), Dassow-Weg, Gemeinschaftslager.

Певлов Петр, ст. Сенгилевской (Кубань), Ф. П. № 22614 — брата Михаила Николаевича.

Коваленко Гавриил Влад., Ф. П. № 57519 — родных.

Яценко Илья Фед., Ф. П. № 44412 — Ив. Вас. Цывенко и И. А. Агибалова, с хут. Каменного, Мечетинск. района.

Саенко Владимир Алексеевич, Ф. П. № 44412 — отца.

Кондаков Николай, Ф. П. № 46453-А — Марка Даниловича Гаврилова, ст. Ново-Николаевской.

Швец Михаил Ефимович, Ф. П. № 56771-Б — брата Николая.